

"Во всем виноват Толкиен"

— На днях вы получили премию "Лучший фантаст Европы". Могли представить себе, скажем, десять лет назад, что завоуете столь престижный трофеи?

— Да что вы! Тогда мы думали, как написать интересно, а не о том, как получить премию. К тому же в начале 90-х давали только одну "Аэлиту", которой удостоились, например, Стругацкие. Нам главное было увидеть свою книгу на прилавке.

— **Ник, как началось восхождение на пик популярности?**

— Во всем виноват Толкиен. В 82-м году вышла в свет первая часть "Властелина колец" — "Хранители". Я прочитал ее и сразу заболел: этим миром, этим жанром. А вот вторую и третью книги запретили. Пришлось подпольно доставать оригинальный текст. Я начал читать и переводить для себя. Закончил через три года, в 85-м. И решил, что хочу написать свою книгу.

— **Как относитесь к противникам, которые появились после выхода саги "Кольцо Тьмы"?** Они обвиняют вас в неправильном истолковании мира Толкиена. Мол, что это за продолжение "Властелина колец"?

— Это отдельное произведение, литературная игра для меня и моего отца. Да, действительно на обложке первого издания значилось: "Свободное продолжение "Властелина колец"". Но на этом настояли издатели — чтобы сага лучше продавалась. Сейчас этой фразы, конечно же, нет.

— **И еще раз о Толкиене. Его любимый персонаж — хоббит — встречается только в "Кольце Тьмы". И вы даже недостроенно о нем отзываетесь в "Не время для драконов". Что за нелюбовь к хоббитам?**

— Просто у нас с Толкиеном разный подход к этому герою. Фродо, например, не знает сомнений, он лишен рефлексии — типично русской черты литературных героев. Он может усомниться в своих силах, но не в справедливости того дела, которому служит. У меня же как раз хоббит — рефлексирующий. А в книге "Не время для драконов", которую сделали на пару с Сережей Лукьяненко, мы просто смеялись сами над собой, над тем, что мы уже написали.

— **А вам-то какая раса наиболее симпатична?**

— Гномы, хотя они появляются исключительно в эпизодических ролях, — мои главные персонажи, почти всегда люди. Но читатели считают, что как раз гномы получаются самыми когоритными. Ну и с моей легкой руки пиво стало национальным гномским напитком.

"Не стоит ковырять пальцами в ранах своей родины"

— **Каким образом вы оказались в США?**

— Шел 98-й год. Дефолт отобрал у меня работу, нужны были деньги. А Штаты — это страна, где специальность молекулярного биолога очень востребована. Поэтому я, стяжнув пыль с диплома, уехал в Америку.

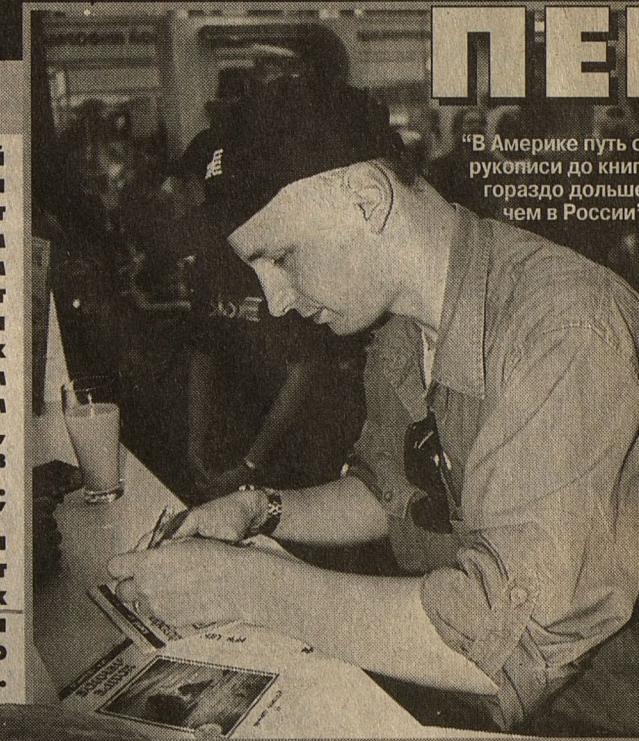
— **Ваши книги успешно вышли на европейский рынок. А в Америке издается?**

— Я предпринимаю усилия, но путь от рукописи до книги здесь гораздо дольше, чем в России. Но мне для начала надо сделать перевод, чем я сейчас и занят.

— **Сейчас как-то изменилось ваше отношение к России?**

— Нет, потому что я был, есть и буду русским человеком. Совершенно не важно, где ты живешь территориально. Очень многие русские, приехавшие сюда, впадают в какую-то странную эйфорию. Им кажется, что они вырвались из ада. Они живописуют кошмарные российские под-

Он — русский Толкиен. Он работает молекулярным биологом в Америке и пишет исключительно для отечественных фанатов, при этом оставаясь реальным человеком, живущим в сказочном мире. В интервью "МК" лауреат премии "Лучший фантаст Европы" Ник Перумов — как на ладони, именно такой, какой он есть.

НИК

ПОБЕДЫ

**Николай
ПЕРУМОВ:
"Я был, есть и
остаюсь русским
человеком!"**

Фото: А. Григорьев

ЧЕРЕП ПЕРСОНА

"В Америке путь от рукописи до книги гораздо дольше, чем в России".

робности: милиционер беспрепяд, коррупцию, плохую экологию — все, вплоть до ужасного движения и московских "пробок". Я считаю, что, уехав из страны, получив приличную работу и благополучное существование, не стоит ковырять пальцами в ранах своей родины. Нужно сделать что-то немногое, чем ты можешь ей помочь. По-моему, мои книги — помогают.

— **Как проходила адаптация к США? Что больше всего шокировало?**

— Наверное, беззаботность людей в сочетании с мощью государственной машины. Об этом я написал в рассказе "Выпарь железо из крови". Еще американцы во многом похожи на детей: у них полно проблем, но они легко относятся к жизни — не борются с ней, а живут и радуются.

— **Вам сложно было смириться с американским менталитетом?**

— Да, сложно относиться к пустым фальшивым улыбкам. Сложно относиться к вопросу "Как дела?", когда на него не ждут ответа. Сложно относиться к тому, что здесь нет понятия "друг" в нашем понимании. Здесь не принято делиться сокровенным, не принято показывать, что тебе плохо.

— **Как жена относится к вашему творчеству?**

— У нее свои предпочтения. Я не считаю, что в семье писателя все должно крутиться вокруг его творчества; все должны им непременно восхищаться и зачитываться.

— **Сын читает ваши книги?**

— Пока нет, ему всего десять лет. А мои книги рассчитаны все-таки на более взрослых людей. Стас читает на двух языках. Сейчас, например, он активно изучает Кира Булычева.

— **А бывает так, что вы идете по улице и начинаете казаться, что вы находитесь в мире фэнтези?**

— На улице — нет, а вот в лесу — да. В детстве мы очень часто ездили с родителями в новгородскую деревушку, ныне совершенно заброшенную, и проводили целые дни в близлежащих лесах. И часто воспоминания трансформируются в сцены из книг. И сейчас до сих пор, если иду по лесу, то начинаю думать о сюжете, оказываясь, как сказал Краливин, за меридианом.

"Я — очень неправильный писатель"

— **Ник, многие авторы зарисовывают своих персонажей на листке. А как вы придумываете своих героев?**

— Я, наверное, очень неправильный писатель. Прочитав "Хромую судьбу" братьев Стругацких, где разложена по полочкам технология писательского творчества, я подумал: "Боже мой, я делаю совершенно не так!" Никогда не набрасываю на листочке мизансцены, не указываю стрелочками, кто куда ходит, смотрит и что говорит. Я просто рассказываю историю, которая меня подхватывает, и я за нее следую. Правда, сейчас, работая над последней частью эпопеи "Хранитель мечей", я завел картотеку на героев — чтобы не забыть, кто когда и что сделал.

— **Что общего в ваших произведениях?**

— Если говорить о глобальной философии, то это, безусловно, принцип меньшего зла, который совершенно незаслуженно подвергнут в литературе острокритику, жесткой критике. Все знают выражение: "Цель не может оправдывать средства". То есть нельзя совершать меньшее зло, чтобы предотвратить большее. Вот с этим я не согласен. Отказываясь от персонификации добра со светом, зла с тьмой, я хочу показать, что это не более чем физические силы, которые нужно использовать и так, и эдак.

— **Как вам писалось в дуэте с Сергеем Лукьяненко — "Не время для драконов"?** И

"Очень многие русские, приехавшие в США, впадают в эйфорию".

— Скажите, а существует ли уже точный договор об экранизации романа "Не время для драконов"?

— Договор об экранизации этой книги есть, этим пока все и исчерпывается. Пока что мы про-дели только права на экранизацию. Сейчас не известен ни режиссер, ни актеры, которые там могут быть задействованы. Есть лишь сценарий. И Сергей Лукьяненко, и я имеем по копии этого сценария. Но пока мы еще не вступали в прямую работу с продюсером.

— **Была информация об экранизации книги "Алмазный меч, деревянный меч", но потом разговор об этом заглох. Почему так произошло?**

— Это связано с тем, что "Алмазный меч, деревянный меч" нельзя снять в декорациях современной квартиры или на улицах Москвы. Для нашего кино является недостижимым уровень фильмов про "Конана" со Шварценеггером 20-летней давности. Не столько из-за отсутствия денег, сколько из-за отсутствия инфраструктуры: соответствующих павильонов и вычислительных средств. Надо снимать очень многое на натуре, то есть посыпать экспедиции на Кавказ, в другие отдаленные районы России или устраивать выезды, например, в Словакию, где можно найти очень красивую природу. Это очень затрудняет работу.

— **А в США вам не предлагали экранизировать что-либо из ваших произведений?**

— Ну что вы. Америка очень закрыта. Тут хватает своих писателей, переводов с иностранных языков на книжных полках крайне редки. Что касается экранизации, то существует масса проблем, в первую очередь связанные с правами на мир Толкиена, которые сейчас застолбила за собой компания New Line Cinema, снявшая "Властелин колец", из-за чего всякие телодвижения в этом направлении крайне затруднены.

— **Но у вас же есть книга, рассчитанная на американскую публику, написанная совместно с Аланом Коулом, — "Армагеддон".**

— Как нам объяснили с Аланом издатели и агенты, она слишком сложна для массового американского рынка. Я более высокого мнения об американском читателе. Скорееказалось нежелание редакторов рисковать, потому что в американском издательстве редактор имеет гораздо большую власть, чем цензор в СССР. Сейчас в России свобода в книгоиздании на порядок выше, чем в Америке.

Советский научный сотрудник

— **У каждого писателя есть книги, которые он считает удачными или неудачными...**

— К последним я, пожалуй, отнес бы "Армагеддон" и одну из самых популярных моих книг "Гибель богов". Мне нравится дилогия "Империя превыше всего", роман "Алмазный меч, деревянный меч". И, по-моему, неплохо получается "Война мага" — по крайней мере, за два тома мне перед собой не стыдно.

— **Какое качество в человеке вы цените больше всего?**

— Мне трудно ответить на этот вопрос. Потому что я сам человек очень сложный, с тяжелым характером. Совершал поступки, которых стыжусь, обижал близких людей. Наверное, я в людях ценю то, что не хватает мне, — бережливость по отношению к близким и умение их понять.

— **А каков Ник Перумов в повседневной жизни?**

— Обычный советский научный сотрудник, а не залючный небожитель, каким меня пытаются выставить другие. Я абсолютно нетусовочный человек, не трачу деньги на дорогую одежду, а покупаю книги. Люблю средиземноморскую кухню. И очень скучаю по нашим русским пельменям...

Игорь ПОЛОВ